

Так зачем-же нам разбиваться по чужим эмигрантско-партийным закуткам? Стыдно опуская очи долу при упоминании нашего настоящего имени?..

И играть нехавидную роль „синих блуз“ будущего? Нумерованных „сил“ в руках „признанных“ и общепризнанных устроителей — чужого?!

Сербская поговорка говорит: уважай чужое — своим гордись.

Как-же нам не гордиться своим, когда само имя наше включает в себе идеал, к которому стремятся все народы:

Вольный человек-казак!

Как-же не заявить о себе? Не выйти Вольно-казачьей силой на международный шлях!

Вольное Казачество уж хрощую „ленту“ протоптало. И уж тезна она для всех, идущих по ней. Уж опавается „лента“ под широкой шлях!..

Поспішайте ж, брати, з чужих кутків!.. Де-б ви не були...

Бо на Вільну Кубань не ведуть всі дороги, як в Рим. А тільки одна:

Вольно-Казачій шлях

Вл. Куртин.

Воспоминания.

... Осень. Юнкера возвращались в Екатеринодар после лагерного сбора в Анапе. На другой день все разлетелось по домам в отпуск, за исключением немногих, которые не имели ни родного дома, ни знакомых и освобожденных от большевиков областях; то были казаки.

С радостью в сердце под'езжал я к станице. Думал, что вот встречу со своими друзьями, которые не будут меня узнавать в новой юнкерской форме, будут осматривать каждую часть моего костюма, а главное шашку, придававшую некоторую солидность... Ведь только вчера я был учеником, мальчиком, носил красную (реалиста) фуражку, а уже сегодня я юнкер, „заступник слабых и защитник отечества“. Гордость поднималась от сознания, что и я что-то значу.

Дома встречали, как всегда, радушно. Реался я в общество знакомых, ибо предполагал, что только там полностью может оцениться моя особа в юнкерской форме. И... я между ними, в кругу желанного общества, а похвал нет, нет той задушевности, которая была раньше, нет того внимания, которое мне оказывалось, когда я еще не носил этой военной казацкой формы. Не скажу чтобы было презрение, нет, но было полное равнодушие, как мне казалось на первый взгляд. Я не знал, вернее не старался узнавать истинной причины подобной перемены. Грустно стало. Это удивление еще больше усугубилось, когда я увидел здесь-же своих сотоварищей — юнкеров другого военного училища, носивших казацкую форму и пользовавшихся должным отношением. Очень не понравилась мне такая обстановка и я поспешил поскорее уйти, предоставляя времени разрешение создавшихся вопросов.

Кончились дни отпуска и снова юнкера принялись за дело. В городе Екатеринодаре появилось больше военных. Вскоре пошла дожди, настали легкие холода, а вместе с ними и наша, юнкерская жизнь перестала быть закрытой. Все чаще и чаще команды юнкеров посылались нести караулы в различные учреждения. Вскоре мы узнали, что эти караулы несли раньше казаки местного гарнизона. Вышли, очевидно, из доверия казаки, так некоторые думали из нас, а почему, мы не могли себе ответить. В то-же самое время чувствовалась какая-то тяжелая атмосфера, а отчето, мы опять-таки до конца не могли проникнуть. Наконец, мало-по-малу тучи надвигались и гроза приближалась; вместе с происходившими событиями слухи о них проникали и к нам. Слышно было, что фронт катится на юг, казаки бросают фронт. Одни говорили, что казаки не желают воевать, потому что им надоело, другие — что казаки идут защищать от кого-то своих атаманов и правительство, третья — что казаков в тылу обманывают. Где была правда, нельзя было узнать, но чувствовалось что-то неладное. Город почти изменил свой внешний вид. На улицах встречаются почти исключи-

тельно военные люди, казаки и неказаки. Мельком доносился слух и до меня, что наши атаманы в правительстве не ладили с командующим Добровольческой армией, который вмешивался во внутреннюю жизнь Казачества.

В мокрое утро, 6-го ноября 1919 года, по обыкновению прозвучали очередные сигналы и юнкера уже приготовились в классах к лекциям. Вдруг слышится команда: „одевайсь“, и через пол-часа военное училище в полном составе, за исключением дежурной части, покинуло стены здания. У каждого на устах был один вопрос: „куда?“ — но никто не мог дать на него ответа. Даже наши близкие командиры и те не могли дать исчерпывающих объяснений о происшедшем. Нужно было только удивляться, до какой степени нечестно, воровски, было организовано вмешательство чужих в нашу жизнь. Оказалось, что мы, казаки, сами разогнали свое же выборное правительство — Раду, а некоторых членов ее в тот-же день лишили свободы; мы сами оказались лучшими помощниками в деле экзекуции над Кулабуховым. Да, мы были „лучшими“, потому что мы, юнкера нашего училища и все части, прибывшие тогда-же к зданию Зимнего театра, где происходило заседание Кубанской Рады, служили верно своему Краю и думали, что идем совершать доброе дело. Верховное главнокомандование, оказывается, тайно отдало приказ расправиться всеми правдами и неправдами с самостоятельным правительством, думая тем самым „пресечь в корне“ это, для него нежелательное, течение.

Но оно ошиблось. Самостоятельность исходила не из Зимнего Театра, а из станиц. Скоро, после выполнения нами „славного“ долга, мне удалось получить отпуск домой на 4—5 дней. Отправляюсь домой. В английской шапелли, в английской фуражке с кокардой, я прежде всего встречаюсь на вокзале нашей станицы с группой казаков, сверстников и родственников. Первые слова, которые я услышал от них, были „и ты продался картузникам, и ты за мужиков“ (мужик — значит, всякий неказак) и, обступив с разных сторон, начали выливать всю брань по адресу добровольцев. Спрашиваю, что случилось, почему такая ненависть? И в ответ слышу: „а за что Кулабуха повесили?“ Тут только мне стало все ясным. Приблизительно за полчаса беседы с ними я узнал много больше, нежели я знал в момент, когда я шел арестовывать Кулабухова и в тот момент, вероятно, был-бы прибит этими простыми казаками, если бы я не был их родственником или если бы они меня не знали. Два дня я ходил по станице, встречался парочко с простыми казаками и везде слышал одни и те же слова. На третий день мне нужно было по делу побывать в одной из станиц Таманского отдела и, наслушавшись много „простой политики“ на Старой Линии, я стал прислушиваться здесь. И здесь слышу ту же песню „за що Кулабуха повісали?“

Так вот она где истина, думал я, возвращаясь в Екатеринодар. Оказывается, простой казак больше меня знал, больше меня видел и больше проявлял свою казацкую физиономию. Да, там истина, среди простой массы и там нужно искать начало всему...

И. Евсиков.

Мысли о судьбах своего народа.

Любой государственный организм в нормальных условиях жизни живет и развивается, как всякое живое существо, до тех пор, пока все факторы, составляющие эти условия, имеются налицо.

Но в истории человечества и в жизни народов под влиянием различных причин, нередко происходит нарушение упомянутых условий, в силу коих жизнь неминуемо перестраивается на новый лад, на более приемлемый и на более жизненный или желательный.

Так и революция 1917 года, разыгравшаяся на широкой равнине б. Российской Империи, принесла с одной стороны неисчислимы бедствия всем ее народам, с другой стороны дала возможность интенсивной работы по национальному возрождению, пробудила национальный дух. Если задаться теперь вопросом, что принесла революция 1917 года малым народам, судьба которых ве-

ками находилась в чужих руках, то возможно, что в будущих последствиях революции окажутся и светлые явления.

Ни для кого не секрет, что каждый народ, находившийся в крепких когтях Императорской России, лишен был возможности сам, по своему строить свою жизнь. Революционная встряска изменила положение и взаимоотношение народов, и угнетенные народы в будущем, вероятно, получат право распоряжаться своей судьбой. В частности калмыцкий народ, подвергавшийся опасности руссификации в дореволюционное время, теперь *начинает осознавать себя и вытаться выйти на путь национальной свободы и национального возрождения.*

Это пробуждение национального духа особенно сильно замечается в той части калмыцкого народа, которая в результате послереволюционных событий несколько очутилась в Европе и приобщилась к ее культуре.

Калмыцкая интеллигенция, очутившись за границей в более или менее благоприятных политических условиях, начинает дружно браться за работу в исканиях путей национального освобождения. И это радостное явление не может не приветствовать всякий сознательный калмык.

К тому еще нужно добавить, что отрадным фактом нашего настоящего является то обстоятельство, что с каждым годом, как здесь в эмиграции, так и там на Родине, количественно разрастается молодая калмыцкая интеллигенция. В переживаемую нами эпоху освободительных тенденций, замечаемых у малых народов, вся наша интеллигенция и в дальнейшем должна будет напрягать и выявлять всю свою творческую способность и умение, чтобы по намеченному верному пути национального возрождения, национального самоопределения добиться благоприятных результатов.

Быть безразличным к своей судьбе в наше время немислимо, ибо смысл призывного изречения «в борьбе обретишь ты право свое» стало одним из боевых лозунгов малых народов.

Калмыцкий народ в целом по своему географическому положению, тождественностью его красных интересов и по структуре своей души всегда чувствовал большую близость к казаку-свободолюбцу, чем к «богоносцу» в ланях, что подтверждает мирное, братское вековое сожительство калмыков с Казачеством.

Калмыки — пришлый народ и не были покорены Россией, как многие иные народы, а жили в пределах ее на основании договоров, заключенных их Ханами с русским правительством. Им, привыкшим жить свободной жизнью, не знаящим в своей истории опеки чужой руки, трудно было переносить активное вмешательство в свою внутреннюю жизнь русских губернаторов, и они постоянно тяготели к былой своей волености и, не перенося чуждого их природе притеснения, не раз возмущались, поднимались со своих насиженных, привычных мест и, в конце концов, огромная часть калмыков бежала в свою древнюю Родину — Золотую Орду.

В жизни и других частях калмыцкого народа (астраханских и ставропольских калмыков) чувствовалась постоянная тяга к Казачеству и, по совершении революции, все части калмыцкого народа и формально были слиты с Казачеством. С этого времени в казачьей семье появляются «новые» казаки.

Но, к несчастью всех калмыков, вскоре появились большевики, ставшие себе одной из главнейших задач — ослабление силы Казачества. В связи с этим печально сложилась и судьба калмыцкого народа. Вместо административно независимой от центра и экономической крепкой единицы, калмыки в настоящее время имеют «автономную» область с широкою песчаной полосой, сулящей главной массе калмыцкого народа (астраханцам) хроническую нищету и голод.

Защитники территориального и духовного объединения калмыков в СССР совсем забыли о том, что будущее наше будет зависеть не только от воли всех частей калмыцкого народа, а также от экономической перспективы нашего Края. С этой точки зрения насильственное перетягивание донских калмыков в Ставропольскую губ. чревато печальными последствиями. В результате «разумного» проведения и осуществления идеи объеди-

нения калмыков в советском «рае» мы видим астраханцев — на голых песках, а донцов, — лишенных своих привычных плодородных мест. А территорию между донскими и ставропольскими калмыками почему то представители астраханских калмыков не использовали, что обещало бы им в будущем нормальное развитие хозяйственно-экономической жизни целой области.

Задумываясь в будущем еще более теснее связать свою судьбу с Казачеством, нам, калмыкам, необходимо знать его силу и трезво смотреть на его будущее. Важность этого вопроса требует от нас разобраться в нем. Враги и истинные благожелатели Казачества по-разному предредают его судьбу. Но, принимая во внимание все славное историческое прошлое Казачества, его недавнюю героическую борьбу за свое самостоятельное бытие, за самостоятельное существование и пробуждающееся в эмиграции казачье самосознание, мы обязаны с верою и бодро смотреть на светлое будущее наших Краев.

Мы знаем, что казаки в активной и непосильной борьбе с большевиками пролили много крови и пожертвовали многими сынами. Знаем также, что ни одна тысяча их выброшена за борт родного корабля и нашла себе пристанище у далеких берегов. Но в уцелевших и вырастающих за китайскою стеною большевизма несомненно таятся живородящие семена старого былинного Казачества. И они теперь могут дать на почве, политой святою кровью отцов своих, ценные плоды.

Часто слышались в эмиграции, что казаки — не нация, не народ. Но неужели для устройства самостоятельной жизни нужно обязательно иметь особые черты геополитической формации или ясные черты зоологического характера? Ведь чистокровные же англичане, осевши за океаном, создали Америку, великую, новую нацию американскую.

Казачество имеет все три фактора государственного образования. Допустимо только у некоторых пессимистов сомнение в наличии волевой и организованной интеллигенции. Но недавняя борьба за свою казачью жизнь, за свою государственную самостоятельность и наличие нижеприведенной цифры, показывающей число студентов-казачков, учащих в разных государствах Западной Европы, говорят не в пользу сомнеющихся*).

Так, в Чехословакии их	562 чел.
во Франции	97 "
в Бельгии	23 "
в Болгарии	110 "
в Сербии	105 "
в Германии	3 "

Всего 840 чел.

Из этого количества добрая треть уже окончила свое образование. Не говоря о старой интеллигенции Казачества и об интеллигенции, находящейся в СССР, вышеприведенная цифра вполне отвечает теперешним желаниям Казачества.

Нам, калмыкам, очень трудно бороться против руссификаторской политики северного гиганта. В деле защиты политических и государственных прав и отстаивания культурно-национальных особенностей против вмешательства русского великодержавия мы должны искать сильных и верных союзников. Таковым было у нас Казачество, которое ныне, к нашей общей радости, все усиливаясь под флагом Вольного Казачества, расширяет свое вакопное и спящее дело, приобретая новых союзников в лице Украины и народов Северного Кавказа.

Идея и работа Вольного Казачества отвечает давнишним нашим стремлениям освободиться от чуждого насилия, почему необходимо калмыкам работать в тесной дружбе с казаками. Эта идея, ведущая к освобождению всех малых народов должна быть использована всеми сознательными сынами, любящими свою Родину и свой народ.

Э. Бурульдушов.

* Эти сведения получены в Правлении Общ. Казачьей Студенческой Станицы.